

А. Н. Токарев

Место *clupeus virtutis* в пропаганде единоличной власти императора Августа

По мнению многих ученых, на прямую преемственность идей Цицерона и идеологии принципата Августа указывает совпадение терминологии, которой пользовались, с одной стороны, Цицерон, а с другой — Август в «*Res Gestae*» [см., напр.: 1, с. 187; ср.: 2, р. 15]. В частности, качества, которые Цицерон приписывал «идеальному» римскому политику — *virtus, iustitia, clementia, pietas*, были перечислены в надписи на золотом щите, врученном сенатом Августу [3, с. 280 sqq.]. Однако, с нашей точки зрения, это упрощенный взгляд на события. На самом деле вручение Октавиану *clupeus virtutis* никак не связано с «республиканизмом», а было ответной реакцией на события, произошедшие в начале 20-х гг. до н. э.

В 30 г. до н. э. консулом стал М. Лициний Красс. Смененный через несколько месяцев на своем посту, он получил в управление провинцию Македонию, где на протяжении 30–29 гг. до н. э. добился впечатляющих военных успехов. В одном из сражений Красс лично убил вождя племени бастарнов Дельдона. Победа римского полководца в поединке с главой неприятельского войска была неординарным событием. По древней римской традиции военачальник, совершивший подобный подвиг, имел право на особо торжественные почести, а именно право поместить доспехи вражеского вождя (*spolia opima*) в храм Юпитера Феретрия. До эпохи Августа такой обряд имел место лишь три раза. Этой чести были якобы удостоены легендарный Ромул, А. Корнелий Косс (437 г. до н. э.) и М. Клавдий Марцелл (222 г. до н. э.).

Идеологическую подоплеку этих событий можно ясно представить на основании рассказа Т. Ливия о посвящении *spolia opima* А. Корнелием Коссом. «Повсюду добившись успеха, диктатор [Мамерк Эмилий] по постановлению сената и велению народа возвратился в город с триумфом. Самое роскошное зрелище являл в триумфальном шествии Косс, несший тучные доспехи убитого царя. Воины распевали о нем нестройные песенки, в которых уподобляли его Ромулу. Доспехи, снабдив их обычной посвячительной надписью, он преподнес храму Юпитера Феретрия, где укрепил их возле тех, что посвятил Ромул...; он отвлек на себя внимание сограждан от колесницы диктатора и, в сущности, один пожал тогда славу» (Liv., IV, 20. Пер. Г. Ч. Гусейнова). Также следует отметить, что полководец, посвящавший *spolia optima*, по римским представлениям, напрямую обращался к Юпитеру и к Ромулу (Liv., IV, 20). Таким образом М. Красс претендовал не только на высшую *virtus* и *felicitas* в Римском государстве, не только на неофициальный титул «второго Ромула»¹, но и на

¹ В эпоху Поздней республики *spolia opima* совершенно отчетливо ассоциировались именно с Ромулом и были одним из его характерных атрибутов [напр.: 9, S. 190 sqq.].

покровительство самого Юпитера [ср.: 4, p. 171; 5, p. 87; 6, p. 84–87]. Все это несло большую опасность для меняющихся в это время пропагандистских образов Октавиана. Дж. Рич и Х. Флауэр даже полагают, что успехи М. Красса послужили мотивом для отказа Октавиана от имени *Romulus*, так как на их фоне ярко проявлялись личные военные недостатки первого римского императора [7, p. 85 sqq.; 8, p. 49–53].

Чтобы не допустить подобных почестей, М. Крассу было отказано в помещении *spolia opima* в храм Юпитера Феретрия на том основании, что он одержал победу под чужими ауспигиями (ср.: Dio Cass., LI, 24, 4). Видимо, сторонники Красса возражали против подобного запрета, приводя в пример А. Корнелия Косса, который убил вражеского полководца, будучи не консулом, а военным трибуном (см.: Liv., IV, 20). Августу в итоге пришлось даже пойти на прямой подлог. Он объявил, что во время реставрации храма Юпитера Феретрия была найдена надпись на льянном нагруднике доспехов, посвященных А. Корнелием Коссом, которая якобы свидетельствовала о том, что последний совершил свой подвиг, будучи консулом, то есть воюя под собственными ауспигиями. Эти заявления поставил под сомнение даже лояльный к императору Т. Ливий (Liv., IV, 20). В конце концов, М. Лициний Красс отпраздновал только триумф (ЕJ, p. 35), а вскоре и вовсе сошел с политической сцены. Показательно, что Август в своих «Деяниях» ни словом не обмолвился о значительных успехах Красса на Балканах и отбитых им у варваров римских знаменах (ср.: RGDA, 29–30). За свою попытку возвыситься на политическом небосклоне он был наказан забвением¹.

В современной историографии принято считать, что вышеописанные события якобы ускорили проведение мероприятий по «восстановлению» Республики в 27 г. до н. э. и заставили Августа учесть настроения сторонников «помпеянцев» [ср.: 11, p. 308,

¹ Мы придерживаемся той версии событий, поясняющей, почему М. Лициний Красс не посвятил *opima spolia*, которую впервые предложил Х. Дессау [10, S. 34–64], а позднее дополнил и развил Р. Сайм [11, p. 308–309; 12, p. 44 sqq.]. Положения Х. Дессау и Р. Сайма с теми или иными оговорками или поправками принимаются многими современными исследователями [см., напр.: 4, p. 171, 173; 6, p. 87 sqq.; 8, p. 49–53; 13, с. 583–584; 14, S. 209 sqq.; 15, p. 409; 16, p. 423; 17, p. 82; 18, p. 170–171; 19, S. 159 sqq.; 20, S. 238–239; 21, с. 218–227; 22, с. 27–39; 23, p. 293 sqq.; 24, S. 451–452].

Однако в историографии существует и другая точка зрения, которую высказали Э. Меншинг и Дж. Рич. По их мнению, право М. Лициния Красса посвятить Юпитеру *spolia opima* на самом деле никогда не оспаривалось. Полководец сам отказался от этого либо добровольно, либо в результате неформального давления, возможно, после частной встречи с Октавианом. Никакого подлога с доспехами А. Косса не было, интерес Августа к должности Авла Корнелия Косса был исключительно антикварным. До 24 г. до н. э. Тит Ливий о надписи на нагруднике доспехов Корнелия Косса ничего не знал (по всей видимости, добавление о ней появилось, когда Ливий переделывал эти книги для повторной публикации в 27–25 гг. до н. э. [см.: 7, p. 125–126; 18, p. 170–171; 23, p. 302; 25, p. 240]), а спустя четыре-пять лет после отказа Лицинию Крассу фальсифицировать эту надпись (чтобы подкрепить этот отказ) уже не было никакого смысла. Быстрый закат карьеры Лициния Красса ни о чем не говорит, ведь он и так добился многого: стал консулом и два года занимал проконсульскую должность, таким образом заканчивая успешную аристократическую карьеру. В конце концов приемный сын Красса М. Лициний Красс Фруги был консулом в 14 г. до н. э., поэтому можно предположить, что семья Красса не была помещена в «черный список» после описываемых событий. В то же время эти исследователи признают, что Лициний Красс не смог посвятить *spolia opima* из-за нежелания Августа предоставить знатному римскому аристократу чрезвычайные почести, тем более, учитывая их связь с Ромулом, образ которого Октавиан активно использовал в своей пропаганде [7, p. 85–127; 26, S. 12–27; 27, p. 546; ср.: 28, S. 205–207; 29, S. 201 sqq.; 30, p. 290; 31, с. 5–11]. Правда, в последнее время положения Э. Меншинга и Дж. Рича были подвергнуты основательной критике М. Тарпэном [23, p. 293 sqq.].

note 2; 22, с 38, прим. 3; 23, р. 306–307; 32, Sp. 283 sqq.; 33, р. 125; 34, р. 179, note 30; 35, р. 35–36; 36, р. 321 sqq.]. События, связанные с деятельностью М. Красса, действительно оказали определенное воздействие на формирование официальной идеологии раннего Принципата, только, как нам представляется, здесь следует сменить акцент с «конституционного» преобразования на изменения в сфере идеологии.

Случай с Крассом показал, что даже на пике популярности (сразу после разгрома М. Антония) в конце 30–29 гг. до н. э. позиции Октавиана были уязвимыми. Если бы состоялся триумф Красса вместе с обрядом посвящения *spolia opima*, который должен был быть проведен всего лишь через пару лет после грандиозного пропагандистского действия Октавиана, он, несомненно, легко бы затмил триумфальные почести Августа из-за совершения старинного и очень редкого обряда, связанного с самым древним римским храмом [ср.: 10, S. 144–145; 20, S. 238]. Кроме того, Красс, как «новый Ромул» — победоносный полководец, проявивший личное мужество в бою и в связи с этим претендовавший на обладание наибольшими «добродетелями» в римской общине, отобрал бы у Октавиана право на моральное превосходство, а в глазах римлян моральные качества политиков играли большую роль в борьбе за власть и часто использовались в пропагандистских целях.

Таким образом, были бы поставлены под сомнение все пропагандистские завоевания принцепса и был бы нанесен значительный ущерб его идеологическим построениям, направленным на формирование единоличной власти. Впрочем, еще больше усугублял ситуацию тот факт, что М. Лициний Красс, «Новый Ромул», триумфатор, представитель известной аристократической фамилии, который до недавнего времени боролся против Августа на стороне Секста Помпея, а потом М. Антония (ЕJ, р. 35; App., V.C., V, 50; Dio Cass., LI, 4, 3) [4, р. 171], вполне мог рассматриваться противниками императора как новый претендент на власть [ср.: 12, р. 46; 23, р. 206; 37, р. 93–94]. Не следует упускать из виду и то, что Октавиан, по всей вероятности, также надеялся на подобные почести, если не для себя¹, то для одного из своих наследников².

¹ Возможно, Октавиан еще до случая с Крассом, для того чтобы увеличить престиж победы при Акции, планировал использовать пропагандистский эффект *spolia opima*. На это может указывать восстановление храма Юпитера Феретрия в 31 г. до н. э., тогда как остальные храмы были восстановлены только в 28 г. до н. э. Можно предположить, что события, развернувшиеся вокруг *spolia opima* в начале 20-х гг. до н. э., повлияли на первоначальные планы Октавиана получить подобные почести и заставили отказаться от этой идеи. Позднее, когда в 19 г. до н. э. парфяне передали захваченные ими военные значки (во время кампаний М. Лициния Красса в 53 г. до н. э., Л. Децидия Саксы в 40 г. до н. э. и Оппия Статиана в 36 г. до н. э.) и всех римских пленных и Август устроил по этому поводу чрезвычайные торжества, сенат среди прочего вынес постановление о хранении возвращенных стандартов в храме Марсу Ультору на Капитолии (как будто Август отвоевал их на войне), в подражание храму Юпитера Феретрия, куда посвящали «жирные доспехи» (Dio Cass., LIV, 8, 3; ср. RGDA, 29; Ovid., Fasti, V, 579–580). Фактически это постановление приравнивало римского императора к Ромулу, который основав новый храм, чтобы хранить там захваченные доспехи Акрона, установил, что все, кто совершит подобный подвиг, должны посвящать *spolia opima* в этот храм. Август также разместил римские значки в новом храме и также завещал, чтобы *quique victores redissent, huc insignia triumphorum conferrent* (Suet., Div. Aug., 29) [8, р. 55–59; 15, р. 409; 27, р. 546; 38, р. 71 sqq.; 39, S. 224–255].

² Август возлагал большие надежды на получение *spolia opima* вначале его племянником Марцеллом, а позднее и его приемным сыном Друзом, стремясь прочно связать высшую военную награду с императорским домом. Посвящение «жирных доспехов» одним из членов семьи Августа гарантировало бы гладкий переход власти и, без сомнения, укрепило бы репутацию династии Юлиев-Клавдиев [27, р. 545–546].

На стремление Марцелла получить *spolia opima* намекают стихи «Энеиды»: *tertiaque arma patri [Марцелл] suspendet capta Quirino* (Verg., Aen., VI, 859), которые, кстати, Вергилий

Такая ситуация вынуждала наследника Цезаря активно искать пути к обоснованию своего исключительного положения в государстве. Выход был найден в объявлении Августа носителем наивысших «добродетелей». 16 января 27 г. до н. э. сенат в «благодарность» за окончание гражданских войн и «спасение» римских граждан даровал Октавиану золотой щит с надписью «за мужество, милосердие, справедливость и благочестие (*virtutis clementiaeque et iustitiae et pietatis caussa*)», который был установлен в Юлиевой курии (RGDA, 34).

Интерпретация происхождения и сущности четырех «добродетелей» Августа вызвала в современной историографии дискуссию. Х. Марковски, А. фон Премерштейн, Х. Х. Скаллард, Х. Корпант, М. Уитби, Б. Левик, М. Рейнхольд усматривают истоки этих качеств в платоновско-стоическом каноне так называемых главных добродетелей: *ἀνδρεία* (мужество), *δικαιοσύνη* (справедливость), *σωφροσύνη* (благоразумие), *φρόνησις* (рассудительность) либо *σοφία* (мудрость). В римской версии они превратились в *fortitudo* (отвага), *temperantia* (умеренность)/*continentia* (воздержанность), *iustitia* (справедливость), *prudentia* (благоразумие)/*sapientia* (мудрость) и якобы оказали большое влияние на формирование образа «идеального» политика в «республиканской» идеологии [42, p. 87; 44, p. 116–119, 123–125; 45, S. 119; 46, p. 218; 47, S. 433; 48, p. 57–58; 49, p. 64]. В частности, Х. Норт замечает, что «классический канон императорских «добродетелей» ведет свое начало от надписи на *clupeus virtutis*... Однако здесь мы с особым интересом отмечаем замену «мудрости» на «благочестие»... и появление *clementia* на месте *temperantia*» [50, p. 177]. Э. Уоллас-Хэдрилл в свою очередь считает, что эти четыре достоинства не представляют философский канон, но связаны с греческой политической традицией [51, p. 300–307].

С другой стороны, Э. Корнеманн, Дж. Лигле и Ф. Тегер настаивают на сугубо римской специфике «доблестей», записанных на *clupeus virtutis* [52, S. 325; 53, S. 270, 272; 54, S. 120]. Также большую популярность получила точка зрения, согласно которой

прочитал в 23 г. до н. э. императору и его ближайшему окружению и произвел этим необычайное впечатление (Donat., p. 62, 1–4 ed. Georgii). Х. Флауэр делает важное замечание, что после их первого появления в шестой книге *spolia opima* служат поворотной, отчасти неуправляемой и сложной темой во второй части Энеиды, где описывается противостояние Энея и Турна. Заключительный кульминационный момент стихотворения, когда Эней убивает Турна, содержит весьма прозрачные намеки на *spolia opima* (Verg., Aen., XII, 938–952). Здесь поединок Энея перекликается с подвигом Ромула и косвенно намекает тем самым на Марцелла [8, p. 54–55]. Этиологическое стихотворение Проперция (Propert., IV, 10) о храме Юпитера Феретрия современные ученые напрямую не связывают с деятельностью Марцелла, так как нельзя с уверенностью говорить, что оно было написано при жизни последнего. Насколько нам известно, только П. Грималь настаивает на этом [40, p. 40 sqq.]. Но даже если принять широко распространенную датировку — 16 г. до н. э. [напр.: 41, с. 433], то можно говорить о неутраченном интересе к данной теме и после 23 г. до н. э., когда умер племянник Августа. Во всяком случае, Манилий в своей «Астрономике», изданной намного позже, упоминает старинных полководцев А. Корнелия Косса и М. Клавдия Марцелла, посвятивших «жирные доспехи» в храм Юпитера (Manilius, Astronom., I, 787–788).

После преждевременной смерти Марцелла в 23 г. до н. э. эстафету принял Друз. Светоний сообщает, что «не раз в победах над врагом он добывал *spolia opima* с великой опасностью, гоняясь за германскими вождями сквозь гущу боя» (Suet., Div. Claud., I. Пер. М. Л. Гаспарова). В 9 г. до н. э., когда он неожиданно умер, Август против всех традиций посвятил в честь Друза лавровый венок в храм Юпитера Феретрия (Dio Cass., LV, 5, 1).

После гибели обоих полководцев, принцепс всеми силами старался закрепить образ *spolia opima* за императорской семьей. В 19 г. до н. э. Август построил алтарь Фортуны Редукс рядом с храмом Марцелла в честь *Honos* и *Virtus*, где на одном из изображений панцирь императора демонстрирует вражеский трофей, вызывающий традиционные представления о *spolia opima* [8, p. 58].

четыре «добродетели» Августа — это черты характера «настоящего» римского политика, игравшие важную роль в эпоху Республики. Другими словами, принцепс, приписывая себе эти нравственные качества, старался оправдать свою власть с помощью «республиканской» идеологии [напр.: 1, с. 187; 3, с. 280 сл.; 55, р. 286–297; 56, р. 232 sqq.; 57, S. 80–83; 58, р. 885–889; 59, р. 74, note 164].

Впрочем, несмотря на различные интерпретации происхождения «добродетелей», записанных на золотом щите, фактически все исследователи подчеркивают стремление Августа опереться на «республиканскую» идеологию. Однако такие выводы больше основываются на логических построениях современных историков, чем на данных источников.

Во-первых, следует отметить, что набор «доблестей» *clupeus virtutis* не идентичен с греческим каноном [ср.: 57, S. 80 sqq.; 60, р. 111–112; 61, р. 19 sqq.]. Греческий перевод соответствующего отрывка из «Деяний» Августа «ἀρετῆν καὶ ἐπέκειαν καὶ δικαιοσύνην καὶ εὐσέβειαν» (EJ, р. 29) свидетельствует о том, что политические идеалы платоников и стоиков не были основой для идеологических построений принцепса. Здесь были использованы не специфические философские термины, а наиболее близкий по смыслу перевод латинских политических лозунгов. Другими словами, греческие слова являются зависимыми по отношению к латинскому тексту, а не наоборот.

Во-вторых, весьма проблематично найти аналогичный четверем «добродетелям», записанным на золотом щите, список нравственных качеств в эпоху Республики. В элогии П. Сципиона, который датируется III в. до н. э., перечисляются такие «доблести», как «honos, fama, virtus, gloria, ingenium (честь, доброе имя, мужество, слава, характер)» (ILS, № 4). Здесь представлен идеал политического деятеля, современника Пунических войн. Очевидно, что этот список нравственных качеств совершенно не совпадает с «добродетелями» *clupeus virtutis* не только по отдельным позициям, но даже по их числу. Цицерон в речи «О Манилиевом законе» представил свой идеал победоносного полководца: «По моему мнению, выдающийся император должен обладать следующими четырьмя дарами: знанием военного дела, доблестью, авторитетом, удачливостью (*scientiam rei militaris, virtutem, auctoritatem, felicitatem*)» (Cic., *De imp. Gn. Pomp.* Пер. В. О. Горенштейна). Таким образом, и этот перечень не стал основой для «добродетелей» Августа.

В-третьих, анализ отдельных терминов, содержащихся в надписи на золотом щите, показывает, что Октавиан преднамеренно сделал свой выбор среди группы римских «добродетелей», которые в эпоху Поздней республики часто использовались как политические лозунги. В своем выборе он опирался не на устоявшийся канон, а на сложившиеся обстоятельства. *Virtus* характеризовала его как победоносного императора, который одержал победу в войне против Востока. *Iustitia* подчеркивала его заслуги в восстановлении законов и устоев общества: как мы уже говорили выше, в 28 г. до н. э. Октавиан объявил себя «восстановителем» законов и права римского народа. *Clementia* символизировала прощение Августом сторонников Антония, причем не только аристократов, но и ветеранов. Кроме того, отсылки к *clementia* вызывали в памяти воспоминания о политике «милосердия» Г. Юлия Цезаря. *Pietas* отмечала восстановление в 28 г. до н. э. 82 римских храмов и почитание принцепсом отеческих богов [ср.: 59, р. 74; 62, S. 97]. Таким образом, прослеживается связь не с отвлеченными понятиями и идеалами, а с конкретной деятельностью Августа, которая четко укладывается в небольшой хронологический отрезок от окончания Актийской войны до *restitutio rei publicae* в 28 г. до н. э.

Кроме того, можно отметить, что если *virtus* и *pietas* играли важную роль уже начиная с III в. до н. э. (они встречаются в элогах Сципионов (ILS, № 1, 4, 6–7) и употребляются такими авторами, как Энний (Enn., 190–191, 333 ed. Vahlen), Невий (Naevius., Pun., 14), Луцилий (Lucil., 225, 532, 715, 725, 1084–1085, 1119)), то *clementia* и *iustitia* стали активно использоваться в идеологической борьбе только со второй

И
Л
Л
Л
Л
Л

половины I в. до н. э. и во многом увязывались не с «республиканизмом», а с пропагандой нарождающейся единоличной власти [ср.: 3, с. 284 сл.; 61, р. 22 sqq.; 63, Sp. 20–21; 64, Sp. 1339; 65, S. 46; 66, с. 71–76; 67, р. 18–26].

Никак не вписывается в рамки «республиканизма» и широкая пропагандистская кампания правительства Августа, направленная на тиражирование сюжетов, связанных с *clupeus virtutis*. Фактически памятником для «добродетелей» Октавиана стало политическое завещание самого императора. В RGDA он представлен как *victor, iustus, clemens* и *pius* [59, р. 74 sqq.]. Как мы уже упоминали, золотой щит был помещен в сенатской курии. Копии его изображения были найдены в Мавзолее Августа в Риме [68, S. 113–114], в Арелате (Нарбоннская Галлия) (AE 1952, № 165; EJ, р. 59), на сильно разрушенных алтарях из г. Потенции в Пицене (ILS, № 82) и Рима (ILS, № 83). Э. Рэмейдж даже считает, что такие копии были размещены в каждом римском городе на алтарях, посвященных *Lares Augusti* или *Gens Augusta* [59, р. 74; ср.: 69, S. 359]. Большое внимание агитации образа *clupeus virtutis* было уделено и в нумизматике. Сокращение *CL[upeus] V[irtutis]* в центре небольшого круглого щита встречается на монетах разного достоинства не менее 35 раз [59, р. 74, note 165]. «Добродетели» Августа тиражировались и в искусстве малых форм. Т. Хельстер отмечает, что похожую программу передают сцены, изображенные на фризе из Капитолийского музея, на *Ara Pacis*, на «Гемме Августа» [69, S. 359; ср.: 58, р. 885]. Образ Августа как триумфатора, обладающего наивысшей *virtus*, несут в себе изображения на серебряных бокалах из Боскореале [см.: 70, р. 13 sqq.].

Большую роль в пропаганде принцепса как носителя римских «доблестей» сыграл новый дом Октавиана, построенный на юго-западном склоне Палатина [подр. см.: 71, р. 45–47; 72; 73, р. 577–592; 74, S. 333; 75, р. 149–172; 76, р. 119–172; 77, р. 233–240; 78, р. 169–185]. По размеру и архитектурным решениям он не выделялся на общем фоне, многие дома нобилей превосходили его в роскоши. Но принцепс придал ему столько символических значений, что в конечном счете название холма, на котором он был расположен, стало обозначением резиденции римских императоров (*palatium* — дворец) (Dio Cass., LIII, 16, 5). Само местоположение должно было вызывать в памяти священные мифы и ритуалы, связанные с происхождением и основанием Рима [ср.: 78, р. 169–171; 79, р. 442]. Дом Августа находился внутри *Roma Quadrata*, основанного, по преданию, Ромулом рядом с храмом Виктории, возведенным, согласно легенде, Евандром недалеко от т. наз. «хижины Ромула» и чуть выше «лестницы Кака». Таким образом, все это освящало «благочестием старины» мероприятия 28–27 гг. до н. э. (*restitutio rei publicae*), а самого Августа представляло как завершителя римской истории, которую, основав город, начали Ромул и Рем. Храм Аполлона из великолепного каррарского мрамора, пристроенный к дому Октавиана и освященный в 28 г. до н. э., создавал у современников впечатление того, что жилище принцепса было преддверием храма и, соответственно, указывал на то, что в этом доме жил человек, который пользовался особым благоволением богов [71, р. 47–49; 74, S. 333–334, Abb. 43]. Следовательно, все это должно было указывать на *gravitas* и *pietas* хозяина.

Согласно сенатскому постановлению от 16 января 27 г. до н. э., наряду с другими знаками благодарности, косяки дома были украшены лаврами, а над дверью был повешен лавровый венок (RGDA, 31). Эти почести символизировали триумфальные отличия Августа как полководца (*felicitas, virtus*) и его заслуги в качестве спасителя граждан (*clementia*) в войне против М. Антония (Ovid., Trist., III, 1, 33–48) [ср.: 71, р. 47; 74, S. 336; 80, S. 404, 407]. Кроме того, А. Альфельди особо отметил ритуальный характер двух лавров, которыми с незапамятных времен украшался вход в те здания, которые имели особый религиозный статус, а именно: *regia*, которая вначале служила культовым и служебным помещением для «царя священных действий», а позднее для великого понтифика, храм Весты и т. п. [80, S. 405]. Другими словами, жилище Августа получило некий сакральный статус (ср.: Ovid., Trist., III, 1, 34–38). Не стоит забывать

и о том, что лавр был символом триумфа и победы. Таким образом, как само положение дома Октавиана, так и внешние украшения, опосредованно выражали традиционные римские добродетели его хозяина: *gravitas, felicitas, virtus, pietas*.

Еще более ярко выраженную связь с агитацией «доблестей» принцепса и пропагандой его морального превосходства носит форум Августа, центром которого был храм Марса Мстителя. По сути, Форум представлял собой как бы храмовый двор, окруженный высокой стеной, в нишах которой располагались статуи [81, S. 110–112; 82, p. 220–223; 83, S. 149 sqq.]. Заявления некоторых исследователей о том, что композиция этого сооружения указывает на «республиканизм» Августа и его «искреннее восхищение республиканским режимом» [84, p. 91–94; ср.: 24, S. 457–458; 85, p. 142; 86, p. 261–263], совершенно обосновательны [напр., см.: 87, S. 314; 88, S. 105].

Ключом для понимания значения этого архитектурного комплекса являются статуи, изображавшие знаменитых римлян, начиная с альбанских царей и заканчивая современниками Октавиана, которые своей деятельностью возвысили Римское государство (Hog., Carm., IV, 8, 13–15; Suet., Div. Aug., 31; Lamprid., Vita Alex., 28; ср.: Ovid., Fasti, V, 563 sqq.; Val. Max., III, 4, 3; Tac., Ann., IV, 15; XV, 72; Aul. Gell., IX, 11; Plin., N. H., XXII, 13) [подроб.: 36, p. 172–181]. Сами статуи не сохранились, но археологи нашли несколько десятков элогий к ним (CIL, 12, p. 183–202; ILS, № 50–69) [24, S. 452–457; 84, p. 91–94; 85, p. 267; 89, p. 159–161; 90, S. 192 sqq.; 91, p. 188–212] не только в Риме, но и в других италийских городах благодаря тому, что их жители размещали копии у себя на форумах. Так, надписи сохранились в Арреции (ILS, № 50, 54, 56–60, 62), Лавинии (ILS, № 62), Помпеях (ILS, № 63–64) и Сагунте (ILS, № 66). Н. А. Машкин совершенно справедливо указывает, что изучение элогий имеет большое значение. Оно показывает, что Август устанавливал как бы непрерывность развития от Энея до своих сподвижников и оттенял те моменты, которые соответствовали его политике. Возвеличены были все легендарные предки Августа (ср.: Tac., Ann., IV, 9; Dio Cass., LVI, 34, 2). Элогий Ромула написан был в тех же выражениях, что и элогии Друза или Марцелла [13, с. 582].

Перед посетителями форума проходила, таким образом, вся римская история. И над всей этой историей возвышался храм Марса Ультора, символ *felicitas* рода Юлиев [92, p. 61; ср.: 86, p. 269], который был построен на огромной 3,5-метровой стене. В сущности, этот архитектурный комплекс выражал идею «римского мифа». Развитие Римского государства представлялось законченным. Оно обрело свой логический конец в новой государственной системе, созданной Августом. Деятельность знаменитых римлян находила свое логическое завершение через Юлия Цезаря в деятельности «самого великого» римлянина, обладателя наибольших «добродетелей» — Августа, чьи титанические усилия вывели общину из периода продолжительных гражданских раздоров и привели к процветанию Римского государства [ср.: 93; 94, p. 83–90; 95, p. 117]. Получается, что Август завершил задачу всех этих «героев» и, следовательно, «римский миф» замыкается на нем.

Таким образом, наш анализ показывает, что пропагандистская кампания принцепса, направленная на обоснование исключительности Октавиана, была ответной реакцией на стремление некоторых оппозиционных аристократов возвыситься в новых условиях, что привело бы к появлению претендентов, которые могли бы бросить вызов власти Августа.

В свою очередь, «добродетели» *clupeus virtutis* не имеют никакого отношения к «республиканизму». Также вряд ли стоит искать истоки этих «добродетелей» в философском каноне платоников и стоиков или в «республиканском» списке нравственных качеств «идеального» римлянина. Август ориентировался в своем выборе не на какой-либо устоявшийся канон, а на сложившиеся обстоятельства. Для пропаганды своего морального превосходства он использовал недавние события: Актийскую войну, «восстановление» государства и связанные с ним мероприятия. Совместное употребление таких старинных доблестей, как *virtus* и *pietas*, а также

появившихся только в середине I в. до н. э. *iustitia* и *clementia* говорит о том, что император стремился к идеологическому обоснованию своей единоличной власти, а вовсе не к опоре на «республиканизм».

Вручение Октавиану золотого щита за его «мужество», «справедливость», «милосердие» и «благочестие» резко противопоставляло его всему римскому обществу и объявляло его носителем морального превосходства. Правительство широко тиражировало идею, согласно которой только от Августа зависели *salus properitasque civitatis*.

Ключевые слова: император Август, *clupeus virtutis*, *spolia opima*, М. Лициний Красс, «добродетели» принцепса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Межеричский Я. Ю.* Республиканская монархия: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. — М.; Калуга, 1994.
2. *Lange C. H.* *Res Publica Constituta: Actium, Apollo and the Accomplishment of the Triumviral Assignment.* — Leiden; Boston, 2009.
3. *Егоров А. Б.* Добродетели щита Августа // Античный мир: проблемы истории и культуры. — СПб., 1998.
4. *Grenade P.* *Essai sur les origines du principat.* — P., 1961.
5. *Evans J. de R.* *The Art of Persuasion. Political Propaganda from Aeneas to Brutus.* — Ann Arbor, 1992.
6. *Stewart R.* *Public Office in Early Rome: Ritual Procedure and Political Practice.* — Michigan, 1998.
7. *Rich J. W.* Augustus and the *spolia opima* // *Chiron.* — 1996. — Vol. 26.
8. *Flower H. I.* The Tradition of the *spolia opima*: M. Claudius Marcellus and Augustus // *Classical Antiquity.* — 2000. — Vol. 19. — № 1.
9. *Schneider R. M.* Augustus und der frühe römische Triumph // *JDAI.* — 1990. — Bd. 105.
10. *Dessau H.* Livius und Augustus // *Hermes.* — 1906. — № 41.
11. *Syme R.* *The Roman Revolution.* — Oxf., 1939.
12. *Syme R.* Livy and Augustus // *HSCPh.* — 1959. — Vol. 64.
13. *Маушкин Н.А.* Принципат Августа. — М.; Л., 1949.
14. *Schumacher L.* Die imperatorischen Akklamationen der Triumvirn und die *auspicia* des Augustus // *Historia.* — 1985. — Bd. 34.
15. *Harrison S. J.* Augustus, the Poets and the *Spolia Opima* // *CQ.* — 1989. — Vol. 39.
16. *Raaflaub K., Sammons L. J.* Opposition to Augustus // *Between Republic and Empire: Interpretations of Augustus and his Principate.* — Berkeley etc., 1990.
17. *Albanese B.* Brevi studi di diritto romano. V. Note sugli opima spolia // *Annali del Seminario Giuridico della Università di Palermo.* — 1992. — Vol. 42.
18. *Levene D. S.* Religion in Livy. — Leiden, 1993.
19. *Lica V.* Die siebente Akklamation Octavians // *Tyche.* — 1997. — Bd. 12.
20. *Lica V. M.* Licinius Crassus (cos. 30 a. Chr.) und die römische Donaugrenze // *Pontica.* — 2007. — № 40.
21. *Парфенов В. Н.* Марк Лициний Красс и «Третий триумvirат» Октавиана // *Культура и цивилизация: вопросы теории и истории.* — Н. Новгород, 1998.
22. *Парфенов В. Н.* Император Цезарь Август: армия, война, политика. — СПб., 2001.
23. *Tarpin M. M.* Licinius Crassus imperator, et les dépouilles opimes de la République // *Revue de philologie, de littérature, et d'histoire anciennes.* — 2003. — T. 77,2.
24. *Itgenshorst T.* Augustus und der republikanische Triumph: Triumphalfasten und summi viri-Galerie als Instrumente der imperialen Machtsicherung // *Hermes.* — 2004. — Vol. 132.
25. *Richar J.-C.* Tribuns militaires et triomphe // *La Rome des premiers siècles. Légende et histoire.* — Firenze, 1992.

26. *Mensching E.* Livius, Cossus und Augustus // МН. — 1967. — Bd. 24.
27. *Rich J. W.* Drusus and the *spolia opima* // CQ. — 1999. — Vol. 49. — № 2.
28. *Latte K.* Römische Religionsgeschichte. — München, 1992.
29. *Kebne P.* Augustus und «seine» *spolia opima*: Hoffnungen auf den Triumph des Nero Claudius Drusus? // Althistorisches Kolloquium aus Anlass des 70. Geburtstages von Jochen Bleicken. — Stuttgart, 1998.
30. *Maffi A.* Opima Spolia // Mélanges de droit romain et d'histoire ancienne: hommage a la mémoire d'André Magdelain. — P., 1998.
31. *Дементьева В. В.* Spolia opima Корнелия Косса: проблемы интерпретации античной традиции // Вестник ЯрГУ. Серия: Гуманитарные науки. — 2007. — № 4.
32. *Groag E. M. M.* Licinius Crassus (58) // RE. — 1926. — Hbbd. 25.
33. *Tarn W. W., Charlesworth M. P.* The Triumph of Octavian // САН. — 1934. — Vol. 10.
34. *Lacey W. K.* Octavian in the Senate, January 27 B. C. // JRS. — 1974. — Vol. 64.
35. *Cartledge P. A.* The Second Thoughts of Augustus on the *res publica* in 28/27 B. C. // Hermathena. — 1975. — Vol. 119.
36. *Judge E. A.* The First Christians in the Roman World: Augustan and New Testament Essays. — Tübingen, 2008.
37. *Hurllet F.* L'aristocratie augustéenne et la Res publica restituta // Le principat d'Auguste: réalités et représentations du pouvoir autour de la *Res publica restituta*. — Rennes, 2009.
38. *Rich J. W.* Augustus' Parthian Honours, the Temple of Mars Ultor and the Arch in the Forum Romanum // PBSR. — 1998. — Vol. 66.
39. *Spannagel M.* Exemplaria principis: Untersuchungen zu Entstehung und Ausstattung des Augustusforums. — Heidelberg, 1999.
40. *Grimal P.* Le livre VI de l'Eneide et son actualité en 23 av. J.-C. // Revue des études anciennes. — 1954. — T. 56.
41. *История римской литературы.* Под ред. С. И. Соболевского и др. — М., 1959. — Т. 1.
42. *Levick B.* Tiberius the Politician. — L., 1999.
43. *Zanker P.* The Power of Images in the Age of Augustus. — Ann Arbor, 1988.
44. *Markowski H.* De quattuor virtutibus Augusti in clipeo aureo ei dato inscriptis // Eos. — 1936. — Vol. 37.
45. *Premmerstein A. von.* Vom Werden und Wesen des Prinzipats. — München, 1937.
46. *Scullard H. H.* From the Gracchi to Nero. — L., 1963.
47. *Korpanty J.* Römische Ideale und Werte im augusteischen Prinzipat // Klio. — 1991. — Bd 73. — H. 2.
48. *Whitby M.* The Propaganda of Power: The Role of Panegyric in Late Antiquity. — Leiden; Boston; Cologne, 1998.
49. *Reinhold M.* Studies in Classical History and Society. — N.-Y., 2002.
50. *North H. F.* Canons and Hierarchies of the Cardinal Virtues in Greek and Latin Literature // The Classical Tradition: Literary and Historical Studies in Honor of Harry Caplan. — Ithaca, 1966.
51. *Wallace-Hadrill A.* The Emperor and His Virtues // Historia. — 1981. — Bd. 30.
52. *Kornemann E.* Zum Streit um die Entstehung des Monumentum Ancyranum // Klio. — 1905. — Bd. 5.
53. *Liegle J.* Pietas // Römische Wertbegriffe. — Darmstadt, 1967.
54. *Taeger F.* Charisma. — Stuttgart, 1960. — Bd. 2.
55. *Seston W.* Le Clipeus Virtutis d'Arles et la Composition des Res Gestae Divi Augusti // Comptes Rendus Acad. des Inscip. — P., 1954.
56. *Ryberg I. S.* Clupeus Virtutis // The Classical Tradition: Literary and Historical Studies in Honor of Harry Caplan. — Ithaca, 1966.

57. *Benario H. W.* Augustus Princeps // ANRW II. — 1975. — Bd. 2.
58. *Fears J. R.* The Cult of Virtues and Roman Imperial Ideology // ANRW II. — 1981. — Bd. 17. 2.
59. *Ramage E. S.* The Nature and Purpose of Augustus' «Res Gestae». — Stuttgart, 1987.
60. *Charlesworth M. P.* The Virtues of a Roman Emperor // PBA. — 1937. — Vol. 23.
61. *Classen C. J.* Virtutes imperatoriale // Arctos. — 1991. — Vol. 25.
62. *Kienast D.* Augustus: Prinzeps und Monarch. — Darmstadt, 1999.
63. *Aust E.* Clementia // RE. — 1900. — Hbbd. 7.
64. *Latte K.* Iustitia // RE. — 1919. — Bd. 10.
65. *Sousa V. de.* Politische Aussage und Propaganda auf Denkmälern der spätrepublikanischen und augusteischen Zeit. — München, 1974.
66. *Axuev C. H.* Clementia Caesaris: сущность, причины, цели // АМА. — 2002. — Вып. 11.
67. *Dowling M. B.* Clemency and Cruelty in the Roman World. — Ann Arbor, 2006.
68. *Hesberg H. von., Pansiera S.* Das Mausoleum des Augustus. Der Bau und seine Inschriften. — München, 1994.
69. *Hölscher T.* Historische Reliefs // Kaiser Augustus und die verlorene Republik. — B., 1988.
70. *Kuttner A. L.* Dynasty and Empire in the Age of Augustus: the Case of the Boscoreale Cups. — Berkeley; Los Angeles; Oxf., 1995.
71. *Charles-Picard G.* Auguste et Néron. Le secret de l'empire. — P., 1962.
72. *Carettoni G.* Das Haus des Augustus auf dem Palatin. — Mainz, 1983.
73. *Sauron G.* Quis deum? L'expression plastique des idéologies politiques et religieuses a Rome a la fin de la République et au début du Principat. — Rome, 1994.
74. *Kolb F.* Rom: die Geschichte der Stadt in der Antike. — München, 1995.
75. *Pensabene P.* Elementi architettonici della casa di Augusto sul Palatino // RhM. — 1997. — Bd. 104.
76. *Royo M.* Domus imperatoriae. Topographie, formation et imaginaire des palais impériaux du Palatin. — Rome, 1999.
77. *Gros P.* L'architecture romaine: du début du IIIe siècle av. J.-C. a la fin du Haut-Empire. — P., 2001. — T. 2.
78. *Gros P.* Les limites d'un compromis historique: de la domus vitruvienne a la maison augustéenne du Palatin // Le principat d'Auguste: réalités et représentations du pouvoir autour de la *Res publica restituta*. — Rennes, 2009.
79. *Petersen H.* Livy and Augustus // TAPhA. — 1961. — Vol. 92.
80. *Alföldi A.* Die zwei Lorbeerbäume des Augustus // Römischer Kaiserkult. — Darmstadt, 1978.
81. *Richter O.* Topographie der Stadt Rom. — München, 1901.
82. *Platner S. B., Ashby T.* A Topographical Dictionary of Ancient Rome. — L., 1929.
83. *Ganzert J., Kockel V.* Augustusforum und Mars-Ulter-Tempel // Kaiser Augustus und die verlorene Republik. — B., 1988.
84. *Frank T.* Augustus, Vergil, and the Augustan Elogia // AJPh. — 1938. — Vol. 59.
85. *Rowell H. T.* The Forum and Funeral «Imagines» of Augustus // MAAR. — 1940. — Vol. 17.
86. *Rowell H. T.* Vergil and the Forum of Augustus // AJPh. — 1941. — Vol. 62.
87. *Alföldy G.* Augustus und die Inschriften: Tradition and Innovation. Die Geburt der imperialen Epigraphik // Gymnasium. — 1991. — Bd. 98.
88. *Eck W.* Augustus und seine Zeit. — München, 2003.
89. *Drew D.* Horace *Odes* 1.12 and the Forum Augustum // CQ. — 1925. — Vol. 19.
90. *Sage M. M.* The «Elogia» of the Augustan Forum and the «de viris illustribus» // Historia. — 1979. — Bd. 28.

91. *Rodriguez C. L.* Poetry and Power: Studies on Augustan Monuments and the Poets of the Augustan Age: a Dissertation... for Degree of Doctor of Philosophy. — Baltimore, 1989. — Vol. 1.
92. *Fears J. R.* The Cult of Jupiter and Roman Imperial Ideology // ANRW II. — 1981. — Bd. 17,1.
93. *Zanker P.* Forum Augustum. Das Bildprogramm. — Tubingen, 1969.
94. *Hannestad N.* Roman Art and Imperial Policy. — Aarhus, 1986.
95. *Houby-Nielsen S.* Augustus and the Hellenistic Kings: a Note on Augustan Propaganda // Acta Hyperborea. — Copenhagen, 1988. — № 1.

Резюме

Токарев А. М. *Місце clupeus virtutis в пропаганді одноособової влади імператора Августа*

У статті розглянута роль так званих «чеснот» *clupeus aureus* в офіційній ідеології першого римського імператора. На думку автора, Август не шукав певного шаблону для цих «чеснот», а орієнтувався на обставини, що склалися. Для пропаганди своєї моральної переваги він використовував недавні події — Актийську війну тощо. Ця кампанія була відповідною реакцією на прагнення деяких опозиційних політиків завоювати популярність в нових умовах.

Ключові слова: імператор Август, *clupeus virtutis*, *spolia opima*, М. Ліциній Красс, «чесноти» принцепсу.

Summary

A. Tokarev. *The Place Of Clupeus Virtutis In the Propaganda of the Individual Power of the Emperor Augustus*

The article is devoted to the role of so-called «virtues» of *clupeus aureus* in the official ideology of the first Roman emperor. According to the author, Augustus did not search for a certain sample for these «virtues», but he was guided by existing circumstances. He used recent events, for example battle of Actium etc. This campaign was the response to an aspiration of some oppositional politicians to win popularity in the new conditions.

Key words: Emperor Augustus, *clupeus virtutis*, *spolia opima*, M. Licinius Crassus, virtues of Emperor.

